

Дженни Блэкхерст

ПРИЕМНЫЙ РЕБЕНОК

INSPIRIA

Москва
2024

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Б70

Jenny Blackhurst
THE FOSTER CHILD
Copyright © 2017 Jenny Blackhurst

Блэкхерст, Дженни.
Б70 Приемный ребенок / Дженни Блэкхерст ;
[перевод с английского М. В. Жуковой]. - Москва :
Эксмо, 2024. — 384 с. — (Ток. Мировой бестселлер).

ISBN 978-5-04-202121-3

Когда детский психолог Имоджен Рид берется за дело одиннадцатилетней Элли Аткинсон, она решает не прислушиваться к предупреждениям, что девочка опасна.

Элли оказалась единственной выжившей в пожаре, в котором сгорела вся ее семья. Имоджен уверена, что отстраненность и замкнутость девочки естественны в такой ситуации, а злость – всего лишь выплеск накопившихся эмоций.

Только приемные родители и учителя убеждены в обратном. Каждый раз, когда Элли злится, случается что-то плохое. И очень быстро маленький сонный городок наполняется жуткими сплетнями. Со всех сторон при появлении девочки слышится одно: ведьмы не горят...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Жукова М.В., перевод
на русский язык, 2024
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-202121-3

*Посвящается моим маме и папе.
Я не могла бы просить больше,
чем вы мне дали.*

Пролог

— Имоджен? Это вы? — Голос на другом конце телефона полон отчаяния, кажется, что звонящая мне женщина задыхается. Я мгновенно узнаю ее.

— Сара, успокойтесь, — говорю я ей. — Что случилось?

— Элли. — Я слышу, как дрожит голос Сары Джефферсон. — Она в обед ушла из школы. Я не знаю, где она.

Я вздыхаю. *«Повторяй, — приказываю себе. — Не мой цирк, не мои обезьяны».*

— Я больше не работаю по делу Элли, Сара. Меня от него отстранили. Ее прогулы больше меня не касаются. У меня другой круг обязанностей.

— Вы не понимаете, — теперь голос Сары звучит напряженно. — Меня беспокоит не Элли, а Лили.

Моя рука автоматически опускается на живот до того, как я вспоминаю, что ребенка там больше нет.

— Что с Лили, Сара?

Звук, который издает Сара, — нечто среднее между рыданием и воем.

— Она пропала. Элли забрала малышку.

Глава 1

ЭЛЛИ

Элли лежит на кровати, которая совсем не ее кровать, в комнате, которая не принадлежит никому, и слушает, как чья-то семья смотрит телевизор вниз. Большим пальцем она вдавливая острый кремень сигаретной зажигалки, которую держит в руке. Появляется оранжевое пламя. Оно исчезает, когда она прекращает давить на кремень.

Щелк, пламя.

Щелк, пламя.

Щелк, пламя.

Она проводит кончиками пальцев сквозь пламя и удивляется, что оно не обжигает. Элли пробует сделать это еще раз, оставляя пальцы в пламени немного дольше. На этот раз оно кажется горячим, но ей все равно не больно. Она опускает палец в голубую часть пламени и держит его там, пока его не пронзает боль, но все равно ощущения нельзя назвать плохими. Элли чувствует себя великолепно. Так чувствовали себя члены ее семьи? Эту боль, это освобождение? Она снова щелкает зажигалкой, на этот раз держит пламя под основанием ладони, там, где она переходит в запястье. Элли не убирает пламя и ждет боль. Когда боль приходит, она оказывается сильной, и Элли шокированно снимает палец с кремня.

Сердце бьется учащенно, но она все равно повторяет... щелк, пламя.

Как раз когда до ее ноздрей доходит запах паленой кожи, открывается дверь в комнату. В дверном проеме стоит Мэри, дочь ее временных опекунов и в некотором роде ее сестра. Когда Мэри видит, чем занимается Элли, у нее округляются глаза и отвисает челюсть, как у кошки из мультфильма.

— Элли! Что это за игра? — Мэри грубо хватает ее за руку и отдергивает от пламени. — Ты спятила? Тебе же будет больно!

Внезапно ее обожженную руку пронзает острейшая боль. Элли опускает на нее глаза и видит, как на коже появляются наполненные гноем волдыри.

— Я... я не знаю, что я делала. Я просто играла. Мне даже не было больно. — Элли с интересом смотрит на свою руку. — Но сейчас больно.

Мэри нежно опускает ладонь на руку Элли.

— Пошли, я тебе помогу. Намажу ожоги кремом, забинтую, а маме мы скажем, что ты порезалась, когда помогала мне готовить обед.

Элли смотрит на волдыри на коже, рисует в своем воображении картины: они распространяются вверх по руке, покрывают ее плечи и шею.

Мэри качает головой, словно не может поверить в то, что видит.

— Я сама буду осматривать твою руку каждый день и менять повязки, а если мне покажется, что стало хуже, то мы придумаем что-нибудь новенькое. — Она по-доброму смотрит на Элли. — Зачем ты так издеваешься над собой, Элли? Неужели ты думаешь, что твоя мама обрадовалась бы, увидев, как ты себя калечишь?

— Но моя мама не может ничего увидеть, не правда ли? Моя мама умерла.

У Элли возникает ощущение, будто внутри нее все заполнено пульсирующей зеленой слизью. Это подобно

апельсину, когда он гниет изнутри: оранжевая кожура остается нетронутой, а мякоть становится ядовитой. Она не такая, как Мэри, она не такая, как все здесь. Некоторые это видят — а она сама видит это в глазах людей, когда они, заметив ее на улице, переходят на другую сторону и крепче сжимают руки своих детей, на самом деле не зная почему. Хотя Элли знает почему. Они видят, *что* у нее внутри.

— Но она наблюдает за тобой. Ты же знаешь это, правда? — не успокаивается Мэри. — Твоя мама на небесах и видит все, что ты тут делаешь. И она хочет, чтобы ты была счастлива, она хочет, чтобы с тобой все было в порядке, чтобы ты выросла и обзавелась своей собственной семьей. Она хотела бы этого, если б была здесь, и она все равно хочет этого сейчас. Тебе нужно постараться встроиться, Элли. Я знаю, что это трудно, я знаю, что мы не твоя семья, но ты на самом деле должна попробовать.

— А что, если я не хочу пробовать? Что, если я не хочу быть частью вашей семьи?

— Я знаю, как тебе тяжело. Я видела много детей в этом доме, как они появлялись у нас, потом уезжали, много обозленных детей, которые никогда не знали любви. Но ты другая. Ты знаешь, что такое быть любимой, и ты знаешь, что такое жить в доме, полном сочувствия и тепла. Сейчас, вероятно, у тебя нет таких ощущений, но когда-нибудь у тебя все это снова будет. Ты должна помнить, что твоей вины нет ни в чем случившемся. Ты не должна себя винить, Элли, независимо от того, кто и что тебе говорит.

Элли кивает, но в глубине души она знает, что Мэри не права. Может, Мэри и старше, и думает, что знает все, но она не знает — она совсем не знает Элли. Никто не знает.

Глава 2

ИМОДЖЕН

Мы едем под кронами деревьев, по дороге, ведущей в город Гонт. В тех местах, где солнце пробивается сквозь листву, на дорожном покрытии появляются яркие пятна, я прищуриваюсь из-за попадающего мне в глаза яркого солнечного света. По ощущениям мы едем по красивому туннелю к последнему месту назначения, до которого нам вообще суждено добраться. Там дорога закончится.

Томас Вулф говорил, что вернуться домой нельзя, может, мне стоило об этом вспомнить перед тем, как кликнуть по «Отправить» — и не посылать письмо с моим резюме. Но я запустила цепь событий, которая теперь ведет меня назад в мой родной город, где я не была пятнадцать лет. Может, не стоило этого делать.

Перед нами появляется Гонт — такой же мрачный и неприветливый, опустевший и зачахший, как предполагает название¹. При виде этого места думаешь о зале с криво висящими зеркалами, где независимо от того, с какой точки ты смотришься в них, всегда кажется, что что-то не так. Окрашенные в серый цвет дома опустели и теперь разрушаются. Население сокращается.

Со стороны могло показаться, что Гонт утратил свое было великолепие: иногда встречался богатый особняк или впечатляющая скульптура, которые намекали, что некогда на этот город имелись большие планы — но планы уже давно забыты. Даже ребенком я в равной степени была очарована родным городом и испытывала к нему отвращение. То же самое магическое притяжение привлекло сюда строителей и застройщиков, и то же самое ощущение

---

¹ Слово *gaunt* означает «изнуренный, исхудавший, изможденный, угрюмый, мрачный». (*Прим. пер.*)

беспокойства, необъяснимого страха и ожидания чего-то нехорошего, которое витало в воздухе, погнало их отсюда прочь. При этом они говорили про землю, которую нельзя использовать, необоснованные градостроительные нормы и правила, выполнить которые невозможно. Кто же захочет признавать, что отказался от возможности развития территорий только из-за предчувствия, при этом потеряв в процессе десятки тысяч фунтов?

Я почти забыла про это чувство. Я так долго жила в безопасности в крупном городе, в дымке обычных забот, что фактически забыла свою жизнь здесь. Едва ли я могу вспомнить что-то из моей прошлой жизни, даже если плотно закрываю глаза, и от попытки вспомнить у меня начинается головная боль.

Несмотря на ослепительный солнечный свет, меня пронизывает холод. Холод висит в воздухе. «Бодрящий воздух для начала новой жизни», — как сегодня утром выразился Дэн. Хороший знак, знак, что мы поступаем правильно.

— Я не верю в знаки и приметы, — улыбнулась я.

Но, вероятно, лицо меня предало, потому что муж нежно опустил ладонь мне на локоть и сказал:

— Все будет отлично. Это как отпуск в деревне. У нас обоих будет свободное время и место, где легко дышится.

Он не произнес того, о чем думал на самом деле — об увеличении нашей семьи, и я была благодарна ему за это.

— Отпуск? Я не думала, что у писателей бывают отпуска. И его точно не будет у меня. Через четыре дня я выхожу на новую работу.

— Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. Отдых от всего этого. — Дэн показал на окно, на улицу, полную людей, которые быстро шли, не обращая внимания друг на друга и не отрывая глаз от своих телефонов. Мужчина в разноцветном плаще раздавал пустые конверты, в которых, как я знала по опыту, находились «волны позитива». Водители зло сигналили, если машина впереди ехала ниже

тридцати пяти миль в час. — Отдых от людей. От давления. От ежедневной рутинной работы. Это как раз то, что нам нужно после всего того дерьма, в котором тебе пришлось вываляться.

Дерьма, в котором мне пришлось вываляться. Можно подумать, от случившегося в Лондоне можно просто отмахнуться, считая, будто мне не повезло.

В поле зрения возникают первые дома, перестроенные амбары и новые здания, которые появились, когда строительная отрасль снова встала на ноги. Когда я в последний раз была в этой части страны, здесь простирались поля. Кажется, кто-то хотел дать Гонту еще один шанс. Дэн толкает меня в бок и показывает на новые дома.

— Видишь их? После того как мы продадим дом твоей мамы, можем купить что-то подобное. Или построить свой дом.

Я улыбаюсь.

— Что ты знаешь про строительство домов? Кроме того, что строится в твоих воображаемых мирах. Это не так просто, как придумывать их для романа.

— Сказала та, которая никогда не пыталась описать замок в пустыне с точки зрения великана-людоеда. — Дэн притворяется обиженным, затем снова улыбается. — Хорошо, может, мы пока остановимся на покупке. Что-то с открытой планировкой. Большое.

— С бассейном и нашими инициалами, выбитыми в мраморном полу при входе в дом, — смеюсь я. — Думаю, ты не представляешь, сколько может стоить старый дом бабушки Тэнди. В любом случае недорого, потому что моя мать так его и не продала.

При слове «мать» у меня все сжимается внутри. *«Ее больше нет, Имоджен».*

Никакого стелящегося серого тумана при приближении к городу нет, нет и никакой старой ведьмы, которая вытянула вперед скрученный артритом палец и предупредила

бы нас, что дальше ехать не следует. Никакой черной ворон не сидит на щите со словами «*Добро пожаловать в Гонт*» и не бормочет «*Никогда больше*». Тем не менее я чувствую, как ледяные пальцы страха сжимают мои легкие, и на мгновение становится трудно дышать. Щит старый, местами подгнивший, а буквы так выцвели, что при виде этого ты в последнюю очередь думаешь, что тебя здесь рады видеть. Щит темнеет у меня перед глазами, словно по нему растекается черная плесень, когда я на него смотрю. Поворот к дому моей матери находится всего в нескольких метрах слева. В груди все сжимается, дорога впереди плывет, все вокруг становится расфокусированным. Я вытягиваю руку и хватаю за руку Дэна.

— Не надо туда ехать.

Мой голос звучит как едва узнаваемый хрип. Дэн косится на меня, по его лицу пробегает тень беспокойности, он снижает скорость, и машина буквально ползет по дороге.

— С тобой все в порядке, Имоджен? Мне съехать на обочину?

Я смотрю на щит, он все так же кажется совсем не приветливым, но черной плесени больше нет. Я чувствую, как щеки снова краснеют, но теперь они горят от смущения. О чем я думала?

Гонт находится за этим щитом, наблюдает, ждет.

— Нет, со мной все в порядке, — вру ему. — Я просто подумала, что нам, возможно, следует заехать на главную улицу, чтобы взять еду навынос перед тем, как ехать к дому. А что, если электричество еще не включено?

Дэн легко кивает, но продолжает хмуриться. В эти дни он постоянно обо мне беспокоится.

— Отличная мысль, — соглашается он, оглядываясь через плечо и включая правый поворотник. — Мне самому следовало бы это предложить. Хотя нам надо заехать в магазин. Не думаю, что кухня в твоём городе будет разнообразной и найдется много мест, где можно купить еду.

— Это не мой...— открываю я рот, но затем пожимаю плечами. По крайней мере, сердце в груди больше не стучит так сильно.— В центре есть кафе, где подают рыбу с картошкой фри... по крайней мере, было раньше.

Дэн проезжает мимо поворота к дому и едет прямо, к главной улице, которая проходит меньше чем в миле от дома матери. Я помню, как мы с Пэмми бродили по длинным узким переулкам, как убеждали старших мальчиков купить нам алкоголь, обещая поделиться с ними. Я помню, как мы пытались устроиться на работу в магазин на выходные, и у нас не было никаких шансов получить эти места, на которые претендовали девушки типа Мишель Хоффман и Терезы Джонсон. Интересно, чем они занимаются сейчас. Я злобно надеюсь, что все еще работают в магазине на углу.

— Мне нравится, что мы получим лучшее из обоих миров,— объявляет Дэн, нарушая воцарившееся молчание.— Красивая тихая сельская местность и достаточно приличная главная улица совсем близко от дома. Я все еще смогу по утрам высказывать за только что сваренным кофе и свежим хлебом...

— Все еще? — Я смеюсь, представив своего мужа в белом переднике с оборочками, покупающего в пекарне свежий хлеб.— Когда ты это делал? Должна признать: раньше я представляла, что сидящий дома муж будет в большей степени похож на домработницу, чем на подростка-переростка, который смотрит «Нетфликс» и съедает все вкусняшки.

— Не нужно было представлять ничего подобного. Я — не муж, занимающийся домашним хозяйством, я — творец.

— Так, мистер Бестселлер, пока я работаю изо всех сил, стараясь родить всех тех детей, которых ты хочешь, ты, по меньшей мере, мог бы обеспечить свежий хлеб и кофе по утрам.

Дэн широко улыбается, и я сразу жалею, что сказала это таким легким и шутливым тоном. Мне нужно помнить,